

- Простите меня, Оданна-сама... простите меня... - какой же глупой я была.

Оставшись одна, я ложусь на землю храма и плачу навзрыд. Мне стыдно и жаль, что я ничего не смогла ему сказать. Я единственная, кто остался здесь. Солдат Юто не видно. Оданну-сама тоже уже забрали; его больше нет со мной.

- Почему ты так печальна, Аои? - раздался голос. Голос девушки, звонкий, как колокольчик. Однако он звучит холодно и с достоинством. Я поднимаю заплаканное лицо и поворачиваюсь к главному святилищу. Там я вижу ребенка, окутанного золотым блеском.

- Угондодзи-сама...

Затем я опустила голову перед ней:

- Я ничего из этого не знала.

- Этого следовало ожидать. Этот мальчишка ничего тебе не сказал, возможно, потому, что не хотел, чтобы ты знала.

Хотя я знаю, что она не винит меня, голос Угондодзи-сама пронзает мое сердце.

- Тогда почему он рассказал мне об этих вещах только сейчас? Не то чтобы он планировал вернуться в «Тэндзин-Я»!

- Кто знает. Я тоже не знаю ответа на этот вопрос. Я не знаю, о чем думает этот мальчишка.

- Но я слышала, что вы сродни приемной матери Оданны-сама. Если это так, то зачем вы извлекли психическую сущность из его тела? Вам было все равно, что случится со мной, не так ли? Должно быть, для вас было болезненно сокращать его жизнь, верно?

Это было больно для приемной матери Оданны-сама, которая вырастила его и присматривала за ним.

- ...Естественно. Вот почему поначалу я действительно немного ненавидела тебя.

Внезапно Угондодзи-сама прикрыла глаза и саркастически рассмеялась. Ветер развеивал ее золотые ресницы, отбрасывая тени на ее блестящие щеки. Когда она медленно открыла глаза, ее фигура показалась мне одинокой. Присев, она дотронулась до маленького цветка, распутившегося на земле храма.

- Тем не менее, этот ребенок - несмотря на то, что он был запятнанным дзяки - у этого ребенка все еще был кто-то, кого он хотел защитить. Он хотел, чтобы я знала это. Он хотел сделать это.

Так же, как я была единственной, кто принимал его таким, какой он есть, защита тебя стала для него самым важным делом. Защищать такую хрупкую личность, такую мимолетную, что она завянет и умрет, если к ней прикоснуться.

Затем она встала и решительно выпрямила спину. В своей обычной властной манере она посмотрела сверху вниз на меня, все еще сгорбленную и плачущую, и в упор сказала:

- Встань.

Не в силах сопротивляться ее властным словам, я заставила свое измученное тело двигаться. Аметистовые глаза Угондодзи-сама поймали мой взгляд.

- Аои. Есть одна последняя правда, которую мальчишка не сказал тебе.

- Это... может быть, это настоящее имя Оданны-сама?

- Да. Это то, что он скрывал с давних пор. Ты должна найти его. Теперь, достань ключ.

- ...Ключ...

Мои глаза резко открываются. Конечно. Черный ключ, который я всегда носила с собой. Я достаю ключ, который висел у меня на шее, вспоминая, что однажды говорил о нем Оданна-сама. Он сказал, что если я захочу о чем-то узнать, я должна найти что-то, что можно открыть этим ключом.

- Аои. Этот ключ - ключ к тому, что спрятал Оданна-сама. Прошлые, мысли и даже имя - все это запечатано в месте, которое можно открыть этим ключом.

Угондодзи-сама объясняет отстраненно; ее слова подобны каплям, падающим в тихий пруд. Рябь распространяется, заставляя мое сердце трепетать.

- Аои, ты действительно была там несколько раз. Например...

Я проследила за линией взгляда Угондодзи-сама. Там, на заднем дворе святилища, есть маленькая дверь, опечатанная веревкой; ее замочная скважина выглядит несколько необычно.

Хотя Угондодзи-сама ничего не сказала, я последовала порыву своего сердца и поднялась в зал поклонения. Я подошла к двери и вставила имеющийся у меня ключ в замочную скважину.

Ключ поворачивается. Затем дверь медленно открывается.

За дверью открылось знакомое мне зрелище. Это была элегантная комната в западном стиле, в которой я однажды оказалась, когда заблудилась в подвале «Тэндзин-Я».

- Где же я сейчас нахожусь?

- Это была гостиная, где мы с Оданной искали убежища. Это место нельзя найти нигде в этом мире, но ты можешь войти в него из любого места, если у тебя есть ключ.

Комната полна антикварной мебели, украшена богато оформленными фоторамками различной формы, как закрепленными на стенах, так и стоящими на поверхности. В рамках бесчисленные фотографии самых разных людей. Здесь есть групповые фотографии сотрудников «Тэндзин-Я» и фотографии младшей версии дедушки. Также есть фотографии Оданны-сама и Угондодзи-сама...

- О. Эта картина... Я видела ее раньше.

Нет. Скорее всего, тогда я не знала о ее присутствии.

Передо мной картина с изображением маленького черноволосого мальчика. Это не фотография; скорее, это картина маслом. Единственная картина в этой комнате. На картине рядом с мальчиком нарисована Угондодзи-сама. Она тоже выглядит здесь как маленькая девочка, но вместо прически с косой, которую она носит сейчас, ее золотистые волосы на картине длиной до пояса. Вместе с Оданной-сама они выглядят как маленькая девочка и ее младший брат...

Черноволосый мальчик был худым, у него длинная челка, но за этой челкой я вижу пронизательные малиновые глаза, которые вызывают во мне ностальгические чувства.

- Это... Оданна-сама?

- Да. Я заказала эту картину вскоре после того, как сняла печать с этого мальчишки. Будучи запечатанным глубоко под землей, он вернулся в детскую форму, его глаза были пустыми, лишенными жизни. Это было потому, что в том глубоком, холодном и одиноком месте он только вдыхал миазмы в течение 500 долгих лет, поэтому чувствовал горечь и обиду.

- ...

- Этот ребенок, он мог бы сказать, что у него вообще нет воспоминаний о том времени, когда он был запечатан, но это была ложь, ты знаешь. Он проснулся в том месте. Поэтому никто, кроме него, не знает ужаса такого темного и запечатанного места.

- О...

Я сдерживаю дрожь и стискиваю зубы, уговаривая себя не плакать. Еще нет. Есть вещи, которые мне еще предстоит узнать.

- Теперь открой следующую дверь, Аои.

Тонкими пальцами, не отводя от меня взгляда, Угондодзи-сама указала на стену рядом со мной. Там была дверь в западном стиле, которая, казалось, вела в следующую комнату. Однако я знаю, что эта дверь на самом деле ведет в другое место. С решимостью я положила руку на ручку двери. Но поскольку она заперта, как и ожидалось, я вставляю черный ключ.

Щелчок... поворачивающийся ключ, кажется, издает более тяжелый звук, чем раньше.

Дверь открыта и...

- О...!

Я плотно зажмуриваю глаза от яркого солнечного света. Медленно открыв глаза, я обнаруживаю квадратное пространство, разделенное высокими стенами.

В центре тихого места с дикими цветами стоял черный куполообразный каменный памятник, сделанный из того же материала, что и ключ.

- Это... Я однажды заблудилась здесь в Юто.

Это было место, где мне показалось, что я видела Оданну-сама в его форме дзяки...

- Да. Это могила, о которой все в Скрытом Царстве совершенно забыли. Это место упокоения прародителя этого мальчишки. Когда битва за гегемонию этой земли была проиграна, здесь был похоронен последний патриарх забытого племени Сэцуки.

Как бы оплакивая этого патриарха, Угондодзи-сама на мгновение закрыла глаза. Знала ли она его лично?

- Аои, ты ведь однажды видела здесь настоящую форму этого мальчишки? То есть, его форму дзяки, того, кто был запечатан под землей и должен был вдыхать миазмы. Он скрыл свое настоящее имя и научился искусству изменять свой облик так, как не мог ни один дзяки, и таким образом обрел форму нынешнего Хозяина.

- ...

- Однако в его случае, поскольку у него больше не было его психической сущности, форма, которую ты видела, была не более чем миазмы, облаченные в его тело... Он также поглотил эти миазмы, хотя и понемногу.

- Это... это так? - я почувствовала некоторое облегчение, подумав, что в конце концов он перестанет потреблять миазмы. Однако, Угондодзи-сама как-то странно покачала головой, как бы говоря, что мне еще рано чувствовать облегчение.

- Однако, поскольку эта миазма завладела психической силой Оданны-сама, я снабжала его тело заменяющей сущностью. Однако, делая это, я сохранила миазму. Поскольку миазмы также ядовиты для тела, если Оданна продолжит вдыхать их, он умрет. Его оставшаяся продолжительность жизни сейчас составляет около 100 лет.

- Осталось.... сто лет?

Это очень короткий срок жизни для дайёкая. Ранее, когда он разговаривал с директором Бунмона, Оданна-сама смеялся над ее продолжительностью жизни, но в то время он уже мог принять ситуацию с его собственной продолжительностью жизни.

Чтобы спасти меня, жизнь этого человека была значительно сокращена. Я крепко хватаю себя за грудь, мучимая переполняющим меня чувством вины.

- Но послушай меня, Аои. Ты можешь значительно продлить жизнь Оданны. Твоя сила позволяет это сделать, ты знаешь?

- Моя... сила?

- Да. Твоя готовка восстанавливает психическую силу. Ты можешь увеличить психическую силу ингредиентов для приготовления пищи, таким образом, помогая любому Аякаши, который ест твою еду, увеличить свою психическую силу.

Услышав слова Угондодзи-сама, я чувствую, как маленький свет озаряет мой путь.

- Вы имеете в виду, что... Я могу вернуть услугу Оданне-сама?

Приготовление пищи - это самое уникальное, что я умею делать. Единственное, что могу сделать только я.

- Однако, этот путь требует от тебя больших усилий. Твоя кулинария - это целое искусство. Понимание цели твоего искусства позволяет ему работать более эффективно. Для этой цели я хочу, чтобы ты открыла перед собой эту дверь, чтобы узнать истинное имя мальчишки, которое он оставил в прошлом.

Не успела я опомниться, как Угондодзи-сама уже держит в руке веер тэнгу. Я получила веер тэнгу от господина Мацубы, но когда меня похитила команда «Орио-Я», Угондодзи-сама конфисковала этот веер. Она протягивает его мне, и я, естественно, принимаю его.

- Дальше я не могу идти.

И затем она остается у черной двери надгробия, как тень. Следующая дверь уже появилась; она спокойно стоит под высокой стеной справа от меня. Зловещая дверь с наклеенным на нее огромным темно-красным... амулетом. Меня охватывает страх, и я обильно обливаюсь непрошеным потом.

- Эмм, Угондодзи-сама, кто вы для дзяки... то есть, Сэцуки? - спросила я, прежде чем открыть дверь.

- Я та, кто обещал им процветание. Однако я не смогла защитить их. Теперь... я всего лишь хранитель могилы.

Она ответила шепотом, словно произнося заклинание. Однако в этих словах, которые я расслышала отчетливо, она мягко подсказала мне ответ.

- Ну, теперь иди, Аои. Спаси этого ребенка.

Повинуясь голосу Угондодзи-сама, я легко отперла дверь и пошла дальше.

- Ах...!

Обстановка за этой дверью отличается от того, что я испытывала до сих пор. Сначала я иду через пустырь, окутанный сильной жарой, ощупывая все вокруг. Когда красный туман постепенно рассеивается, я оказываюсь в мрачном месте.

- Это...

Хотя здесь не холодно, я не могу перестать дрожать, так что, оглядываясь по сторонам, обхватила свое тело руками. Это место похоже на темную пещеру, с теплой, тускло поблескивающей, красной горячей водой, бьющей вверх от моих ног. Это похоже на один из

тех красных горячих источников в «Тэндзин-Я».

В центре пещеры лежал частично разбитый яйцевидный валун, а рядом - маленькая кукла.

«Ты позвал меня, чтобы я выпустила тебя?»

«... помоги мне выбраться отсюда. Выпусти меня. Пожалуйста».

«Ты уже вышел из клетки, ты знаешь. Я разбила ее и вытащила тебя».

«Я ненавижу это место. Я не хочу быть здесь».

«Я знаю. Ты выглядишь ужасно; миазмы грызут тебя, разъедают твоё тело... А теперь перестань плакать. Я заберу тебя отсюда».

Угондодзи-сама и младенец.

Хотя Угондодзи-сама выглядит как маленькая девочка, черноволосый ребенок-они выглядит еще моложе. Одетый в черный туман, худенький мальчик имеет определенную форму дзяки... но я сразу почувствовала, что ребенок - это Оданна-сама. Возможно, это воспоминание о встрече между Оданной-сама и Угондодзи-сама. Угондодзи-сама несет ребенка дзяки на своей спине, медленно пробираясь по колено через пурпурный горячий источник к сухой земле.

«Я... голоден. Я ничего не ел долгое, долгое время. Только холод и горечь окутывают меня. Только тьма, которую я не могу есть».

«Когда мы выберемся на поверхность, тебе больше не придется принимать и видеть миазмы. Вместо этого ты сможешь есть вкусную пищу... Кстати говоря, у меня действительно есть, чем перекусить».

Из нагрудного кармана своего кимоно Угондодзи-сама достала пирог кинцуба из бобов и дораяки. Когда ребенок-они увидел это, он сразу же схватил их и съел.

«Сейчас у меня больше ничего нет, но позже я угощу тебя твоей любимой едой. Есть ли у тебя что-нибудь любимое?»

Ребенок-они перестал есть. Он посмотрел вниз и мягко сказал: «Яйца».

«Ооо... яйцо».

«Люди в Видимом царстве говорили, что если сварить или поджарить яйца, то, когда попадешь в ад, встретишь ту же участь, что и яйца. Однако это человеческая сказка. Я и мой друг-они часто ели яйца. Но здесь - как в аду. Оказывается, это действительно стало моим наказанием».

«Ахахахаха! Это правда, в Видимом царстве есть такой текст. А, Нихон Рейки, «Летопись чудесных событий в Японии», я думаю... Однако, поскольку ты - они, это не должно быть проблемой. Время все равно изменилось. Теперь даже люди едят яйца. Позже я принесу свежие яйца и приготовлю их».

Узнав любимую еду ребенка, Угондодзи-сама удовлетворенно улыбается. Затем, после того как Оданна-сама закончил есть, Угондодзи-сама коснулась его щеки и заставила посмотреть на нее.

«Как тебя зовут?»

«Меня... Меня зовут... меня зовут _____ XXXXX».

Хотя ребенок-они шевелил губами, я не смогла расслышать ту часть, где он произнес свое имя.

«Но давным-давно кто-то сказал мне, что я не должен никому говорить свое настоящее имя. Но я не могу вспомнить, кто это был».

«...Вот так...» - Угондодзи-сама смеется, но это больше похоже на грустный вздох, - «В таком случае, мы должны сохранить это имя в тайне между нами. С этого момента мы абсолютно точно не будем произносить это имя. Когда мы вернемся на поверхность, скрыв твоё имя, мы сможем скрыть и тот факт, что ты дзяки. Не волнуйся... Я научу тебя, как это сделать. Я создам для тебя мир, в котором ты сможешь жить, XXXXX. Поэтому не отчаивайся».

Сцена внезапно изменилась.

На этот раз место сильно отличается от того адского места, которое я видела ранее. На этот раз я нахожусь в комнате в западном стиле, полной антикварной мебели. Угондодзи-сама и хорошо одетый ребенок-они пьют чай из чайных чашек. Это ребенок - Оданна-сама, которого ранее спасли из подземной пещеры. Очевидно, он научился скрывать свою зараженную миазмами форму дзяки, так как теперь он выглядит как обычный они.

«Кстати говоря. Думаю, однажды ты должен стать Хозяином моего творения «Тэндзин-Я».

«Хозяином?»

«Хозяином гостиницы».

«Но разве это не ваше дело, Угондодзи-сама?»

«Я - главная владелица. Ну, я все еще возьму на себя ответственность как хозяйка, пока ты не достигнешь совершеннолетия».

«Я... буду управлять гостиницей?»

Ребенок-они с уверенностью опускает свою чайную чашку. Увидев его поведение, Угондодзи-сама издала тихий смех.

«Гостиница - это место, где клиенты могут подлечиться, облегчить свои печали и усталость. Если ты хочешь таких перемен, то должен сделать все возможное, чтобы исцелить кого-нибудь. Это может занять сто или пятьсот лет... но я думаю, что те, кто исцелится, обязательно захотят прийти снова в такую гостиницу. Гостиница может быть просто первым местом для случайного знакомства, но она также может быть местом, куда вы будете возвращаться неоднократно... в поисках исцеления. Мы, Аякаши, живем долго. Следовательно, создай такое место, чтобы они могли вернуться, как к себе домой».

«Я... создам место, где любой сможет исцелиться» - ребенок-они поднимает лицо. Его красные глаза дрожат, отражая его надежду и тревогу за будущее.

«Могу ли я сделать это? Я, тот, которого все ненавидят».

«В Стране Врат Они точно никто, кроме тебя, не сможет этого сделать. Прежде всего, у тебя должны быть друзья. Друзья, с которыми можно вместе стремиться к идеалам».

Затем Оданна-сама приглашает правительственного чиновника Юто господина Бьякую и исследователя доктора Сараку в качестве работников в новую гостиницу под названием «Тэндзин-Я». Оба работника называют ребенка-они «Хозяином» еще до того, как тот занимает эту должность. Возможно, эти двое взяли на себя ответственность внимательно следить за Оданной-сама, пока он не вырастет в человека, достойного этой должности.

Из отрывочных воспоминаний у меня сложилось ощущение, что Угондодзи-сама была могущественной матерью, господин Бьякуя - строгим, но правдивым отцом, а доктор Сараку был для Оданны-сама просто милым дедушкой. Под их присмотром он быстро вырос.

Когда он уже вырос в галантного и красивого молодого человека, Оданна-сама поступил в Университет Бунмон, где познакомился с нынешним директором Нацухой и нынешним Хатиё Закуро-сан. Кажется, в той же группе был молодой человек с густыми и острыми волосами. Неужели это... может быть сёгун Курогаи?!

Если этот молодой Аякаши и есть сёгун Курогаи, то я теперь понимаю, почему они общались как старые друзья, когда он арестовал Оданну-сама.

Все еще невинный Оданна-сама и его бывшие однокурсники...

Позже они пройдут свой путь и станут Хатиё и сёгуном. Интересно, знали ли они в то время, что их отношения изменятся так, что они будут вцепляться друг другу в глотки, обсуждая важные вопросы...

«Как и ожидалось, его поведение кажется немного напыщенным. Интересно, это нормально, Бьякуя?»

«Поскольку он Хозяин, это должно быть нормально».

Ребенок-они вырос из ребенка в подростка, а после совершеннолетия стал Хозяином «Тэндзин-Я». Я чувствую, что тот Оданна-сама похож на нынешнего. Его внешность, манера поведения, его аура - они похожи.

«Хе-хе... Джинпачи, твоя манера поведения заставляет меня смеяться!»

«Закуро... ты не можешь использовать это имя в «Тэндзин-Я», ты же знаешь».

Похоже, в этот момент Оданна-сама пригласил свою бывшую однокурсницу Закуро-сан работать в «Тэндзин-Я». Как и я сейчас, Закуро-сан завязывала рукава своего кимоно веревкой-тасуки. В это время она уже была женственной дамой, но она много смеялась.

Незнакомый мне Оданна-сама и работники молодой «Тэндзин-Я». В отличие от грандиозной гостиницы, которой она является сейчас, эта «Тэндзин-Я» была маленькой и испытывала трудности, но в ней царила домашняя и уютная атмосфера. Я так завидую им, что они вместе пережили эту радость и горе.

Через некоторое время, с этого момента, Угондодзи-сама и Закуро-сан исчезли со сцены. Я предполагаю, что только господин Бьякуя и доктор Сараку остались в «Тэндзин-Я».

Сцена снова изменилась. Сейчас весенний день, дует сильный ветер.

«Цубаки Сиро? Это твое имя?»

«Да. Вы Хозяин гостиницы под названием «Тэндзин-Я», верно? Я слышал о вас от Аякаши в Видимом царстве. Они с манерами и грацией, ага».

Это личные покои Оданны-сама в воздушном корабле. Обнаружив здесь величественную фигуру спящего юноши, Оданна-сама и остальные члены команды Аякаши «Тэндзин-Я» были крайне поражены.

Этот юноша - Цубаки Сиро.

«Ахахахахахаха!!!»

Грубый и неотесанный, он одет в расстегнутую школьную форму. Страшно смеясь, он выскакивает из комнаты, надев пару высоких деревянных сабо, которые производят много шума. Затем, выйдя на палубу дирижабля, увидев неземной мир Аякаши, который отличается от его мира в Видимом царстве, мальчик не смог скрыть своего восторга.

«Так круто!!! Так это и есть Скрытое царство!!!»

«Ты, человеческое отродье, что ты знаешь о Скрытом царстве?! - позади Цубаки Сиро, Оданна-сама начинает задавать вопросы, осматривая человеческого подростка своими холодными глазами они.

«Ну, да. От Аякаши Видимого царства я слышал о хитростях, чтобы попасть в Скрытое царство. Да, видимо, есть способ подняться на борт кораблей Аякаши, идущие из Скрытого царства. Конечно, это бесплатный способ попасть сюда».

«Какие вздорные слова ты говоришь. Это мир Аякаши. Таких, как ты, здесь сразу же съедают... На этот раз я могу не обращать на это внимания, но в этом случае ты возвращаешься в Видимое царство!»

«О чем вы говорите, хозяин «Тэндзин-я»?! Какой человек не был бы в восторге, увидев прямо перед своими глазами неизвестный ему мир? Какой человек не стал бы авантюристом? Я определенно не считаю, что Видимое царство - мой родной мир. Здесь я чувствую, что могу реализовать свои амбиции».

Услышав юношеские высказывания Цубаки Сиро, Оданна-сама теряет дар речи. Однако, словно вспомнив о чем-то, он хихикает, а затем громко смеется.

«Ахахахахахаха!!! Я не могу в это поверить! Я никогда не слышал таких глупых фраз! Тем не менее, ты как-то вызываешь у меня ностальгию. Ты напоминаешь мне о моей забытой юности!»

Ностальгия. Я не упустила из виду краткое выражение лица Оданны-сама, когда он это сказал. Его лицо стало мягким, как будто он снова стал юношей, который когда-то мечтал о таком приключении.

«Послушайте. Мне негде остановиться на ночь. Если вы управляете гостиницей, позвольте мне остаться на ночь, йоу!»

«Какой наглый человек. У тебя есть деньги?»

«У меня их нет. Я халявщик! Кроме того, что вы позволите мне переночевать бесплатно, вы можете пообещать мне предметы первой необходимости, такие как еда и одежда. В обмен я буду вашим телохранителем. Хотя я и выгляжу так, но я очень силен против любого Аякаши. Я самый сильный!»

«...»

На лице Оданны-сама написано отвращение, как будто он говорит: «Кто, черт возьми, этот необоснованный, самоуверенный идиот, которому ничем нельзя помочь?!»

Мне очень жаль. Мне очень жаль!

«Если это только охрана, то у нас уже есть наш онивабан*. Дитя человеческое, я могу из жалости оставить тебя в «Тэндзин-Я» до следующего по расписанию открытия Каменной Двери в Видимое царство. Как только она откроется, возвращайся в свой изначальный мир как можно скорее. Иначе я тебя съем».

(ПП: Онивабан были шпионами, работавшими на сёгунат Эдо. Название означает «страж внутреннего сада». Саскэ-кун - онивабан)

«Хохoho! Вы действительно можете говорить такие вещи...? Я, я следил за вами в Видимом царстве, так что я вас знаю. В Видимом царстве вы едите вкусную еду там и тут. Вас развлекали в Асакусе и приносили таинственные коробки с закусками!»

Сиро толкает локтем Оданну-сама в бок. Как грубо. Однако, Оданна-сама сохраняет спокойствие.

«... По правде говоря, раз я такой высокопоставленный человек, то для меня естественно развлекаться. Кроме того, коробки с закусками были просто коробками с закусками. Это не было подкупом».

«Ааа... Вы сопротивляетесь! Йоу, работники «Тэндзин-Я»! Это коррупция, йо!»

«Поскольку я - людоед-они, небольшой порок мне простителен».

«Ээээ... что это?!»

«В первую очередь, я могу сказать, что я искренний они. Кроме того, я сильнее тебя. Так что, если тебе это подходит, чего ты тут добиваешься?»

«О! Это круто! Приступим!»

Оданна-сама мог бы в шутку попросить Цубаки Сиро - э-э, скорее, дедушку - сдаться, но тот становится все более решительным. Несмотря на отсутствие грации, дедушка складывает руки, пытаясь выглядеть крутым, и - к моему удивлению - громко смеется.

О, дедушка.

По мере развития событий он глупо сражался с Оданной-сама. Имея преимущество в местоположении, Оданна-сама победил, но они не убили друг друга. В конце концов, они

пожали друг другу руки.

Что это было, черт возьми? Спорт? Матч?

Тем не менее, улыбающееся лицо дедушки, явно наслаждающегося всем этим от всего сердца, вызывает у Оданны-сама недоумение. Что-то не так с его настроением.

В конце концов, во время лечения своих синяков в комнате для гостей «Тэндзин-Я», дедушка рассказал Оданне-сама следующую историю.

«Момотаро, Кинтаро, Иссунбоши... Победить они - это всегда работа для героев! Однако, знаете, я ненавижу притворяться таким героем. Эти легендарные герои, в конце концов, не ценят сокровища и красоту. Большие транжиры - не пример для подражания. Мы продолжаем использовать заклинания для искоренения злобных духов, как будто они не являются сущностями, с которыми нужно обращаться так же, как мы обращаемся с людьми».

«Ты ненавидишь такую работу... такую роль? Поэтому ты сбежал в Скрытое царство?»

«Вы поняли. Я сожалею о своей роли в этой грязной работе. Я просто хочу делать то, что хорошо для меня. Кроме того, иногда лучше играть с Аякаши, чем сражаться с ними, чтобы защитить людей. Например, чтобы вылечить свои раны, я могу бесплатно остановиться в таком роскошном рёкане и понежиться в целебном онсэне...»

«Ты... этого не может быть. Может быть, ты бросил мне вызов только ради онсэна?!»

«Ну... как бы это сказать...» - Цубаки Сиро, с волнением ожидающий, когда ему принесут еду, оглядывается по сторонам в поисках шикарных официанток.

Крайне раздраженный, Оданна-сама массирует лоб своими длинными когтями.

«Хотя мне, как они, смешно об этом беспокоиться: но разве у тебя нет никого в Видимом царстве, кто бы переживал о твоём исчезновении?»

«Ну... как бы это сказать... Ну, они могут беспокоиться обо мне, но я не против».

«Ты ненавидишь свою семью?»

«Я не ненавижу их, но они не важны для меня. Если бы я смог пойти против своего собственного сердца и выполнить работу по искоренению Аякаши, это было бы здорово, но я не могу этого сделать. Мне все равно, человек это или Аякаши, если они мне нравятся, а я хочу сказать, что они мне нравятся. Если они мне не нравятся, я просто хочу отправить их в полет. Вот и все».

«Однажды ты будешь тем, кого отправят в полет, знаешь ли».

«У меня это тоже часто случалось. Я встречался с девушками то тут, то там, а потом меня били то тут, то там...».

«...»

«Вы и сами похож на бабника, если можно так выразиться, Оданна из Тэндзин-Я».

«Я не стану поступать так нечестно. Доверие - это номер один в индустрии гостеприимства. Я не такой, как ты».

«Ахахахаха! О, ну, это правда, что Аякаши искренни, да? Это одна из тех вещей, которые... как бы это сказать. Ну, в принципе, я определенно не могу оставаться на одном месте. Остаться на одном месте или быть только с одним человеком - это единственное, чего я не могу понять».

Цубаки Сиро. С того момента мой дедушка стал верен себе... Беззаботный, делающий только то, что ему хочется, куда бы ветер ни дул.

Изначально, хотя Оданна-сама считал дедушку простым ребенком-идиотом, он постепенно привязался к дедушке. Вскоре дедушка водил Оданну-сама за нос, и они сформировали длительную связь, которая была непомерной даже по меркам Скрытого царства.

- xxx -

Словно в кино, я следила за взрослением Оданны-сама. Здесь я также поняла, как он познакомился с дедушкой. Мне стало интересно узнать остальное. Интересно, почему Оданна-сама что-то пообещал дедушке, а потом тот каким-то образом пришел мне на помощь. Я действительно хотела увидеть эту сцену, но...

«Выпустите меня... Выпустите меня отсюда...»

Я слышу голос Оданны-сама сзади. Его воспоминания, разворачивающиеся, как фильм, перед моими глазами, исчезли в песчаной буре. Как и ожидалось, снова появилась дверь.

Та самая дверь. Та самая, за которой я рассталась с Угондодзи-сама. Тяжелая и запечатанная дверь с наклеенным на нее амулетом. Я вздохнула и открыла дверь ключом, который принесла с собой.

... Посреди багрового фонтана стоит черный валун с трещиной. Как я и думала, это то самое место, где когда-то давно был запечатан Оданна-сама. Почему я снова здесь? Давным-давно Оданна-сама был спасен отсюда.

«Позволь мне... выбраться отсюда».

- Оданна-сама...?!

Перейдя вброд багровый источник, я бросилась к черному валуну. Однако у меня не было сил разбить этот камень. В отличие от Угондодзи-сама, у меня нет сил разбить его. Когда я заглянула в небольшую трещину, то увидела дзяки, лишенного сил, сидящего в самом темном месте внутри валуна. У него длинные волосы, изорванный халат, он был тощим, но это определенно дзяки. У этого дзяки нет формы ребенка они. Он... он, несомненно, Оданна-сама, в настоящее время, в своей истинной форме.

- Я ненавижу это место. Я больше не хочу здесь находиться. ...Я хочу домой... в «Тэндзин-Я».

Я задыхаюсь.

- Я понимаю. Неважно как, но я вытащу вас отсюда.

Я хочу вытащить вас отсюда. Я хочу забрать вас домой, в «Тэндзин-Я». Неприемлемо держать вас в таком месте, Оданна-сама.

Однако...

- ...Вытащишь меня? Ты, человек? Разве ты не боишься этой моей формы?

Неожиданно Оданна-сама презрительно смеется. Несмотря на его прежние желания, его голос теперь холоден, как будто он оставил всякие надежды.

- Я уродлив, не так ли? Я страшный, не так ли? Ну, это и есть настоящий я. Поглощенный темнотой. От одного взгляда на меня тебе становится страшно. Даже если бы я мог вернуться в «Тэндзин-Я», у меня больше нет места, где я мог бы жить... Ты, ты даже не хочешь выходить за меня в таком виде.

- Это... это неправда...! - я прислонилась к каменной стене и покачала головой.

- Это неправда. Это неправда, Оданна-сама. Я еще ничего вам не рассказывала. Вы не слышали ни одной моей мысли!

- Так ты хочешь стать моей женой? Разве это не из благодарности за то, что я спас тебя? Разве это не просто жалость?

Это не так. Это не так, Оданна-сама.

- Однако, в первую очередь, это исходило от тебя, Аои.

- Эээ...?

Что исходило от меня?

- Я... голоден. Я все время был голоден.

- Тогда я приготовлю вам еду. Я приготовлю вам горячую еду. Бенто, а также ваши любимые тамагояки, я буду делать их каждый день! Моя еда может восстановить вашу психическую силу. Я позабочусь о том, чтобы вы быстро поправились. Я сделаю все возможное, чтобы восстановить вашу силу!

Вот почему, пожалуйста, уходите из этого места. Почему вы все еще заперты в такой темноте? Я просунула руку в маленькую трещину и протянула руку.

- Давайте вместе вернемся домой в «Тэндзин-Я», Оданна-сама. Пожалуйста, возьмите меня за

руку.

Я хочу забрать тебя отсюда. Так же, как однажды ты спас меня из того места. Для этого есть кое-что важное. Ты должен услышать от меня кое-что важное. И это...

- Это невозможно, Аои. Ты еще даже не знаешь моего настоящего имени.

-

Из-за длинной челки глубокие малиновые глаза Оданны-сама вяло блестят, когда он пристально смотрит на мою протянутую руку.

- Конечно, король снова запечатает меня в подземной тьме. Когда придет это время, тебе лучше забыть обо всем. Обещания, дни, проведенные со мной, тебе лучше все забыть. Я не женюсь на тебе... Теперь ты свободна.

После этого, не взяв меня за руку, этот дзяки растворился в кромешной тьме, оставив в моей руке лишь клочок сложенной бумаги.

Что это? Это... письменная клятва. Клятва, которую дедушка написал давным-давно, поклявшись выдать меня замуж за Оданну-сама.

Однако теперь в этой клятве есть следующее:

«Эта помолвка аннулируется Хозяином «Тэндзин-Я» со следующим именем...».

О, да. Прекрасный почерк Оданны-сама, который я видела уже несколько раз.

В конце контракта есть имя, которое своим одиноким существованием трогает мое сердце.

«Сэцу».

Это его настоящее имя.

<http://tl.rulate.ru/book/47237/2549345>